

До лазарета мы добрались без проблем. Он был построен на первом этаже, и чтобы туда спуститься, мне пришлось придерживаться за перила, будто сам я очень больной эльф, который без помощи и с места сдвинуться не может. Ворон хотел помочь, но быстро понял, как это будет выглядеть, поэтому я сам справился. Хотя порой он старался придерживать или находится рядом, чтобы успеть поймать.

Целители помогут с ранами, особенно с той, которая на ноге. Вот с рукой уже намного лучше, руны сами справляются со своей задачей, хотя я никогда не понимал, почему мы можем регенерировать только в некоторых местах своего тела, там где светлые маги решили нас наказать. У других эльфов, которым посчастливилось вырасти обычными, такой возможности не было.

Наш лазарет был большим, но сейчас, работников там было мало. Помещение просторное, с каждой стороны стоят стулья и местами койки, чтобы было удобнее принимать пациентов. Окна были открытыми и свежий воздух проникал в комнату, пронося прохладу по полу. Нас встретила эльфийка, которая выделила небольшой угол, прикрыла нас шторами и стала слушать жалобы.

— У Бейро ранена нога, кажется, еще много царапин по телу и больная рука, — Ворон улыбнулся девушке и сел за стул, когда я присел на койку.

— Как будто я один тут нуждаюсь в помощи... — заметив выражение целительницы, я продолжил: — Вот эта девушка, Ксанафия, ей тоже нужно помочь.

Уверен, она готова была меня убить на месте, но та, только послушно присела напротив моей временной кровати. Эльфийка кивнула, что-то проговорила и оставила нас. Я не понял ее слов, да и мне было не важно, ведь она вернется.

Должна вернуться.

Мы молчали, кажется, целую вечность. Я видел, как Ворон хочет высказаться, но не может. Он вроде собрался, уже подвинулся ближе в мою сторону, но зашла целительница и протянула нам стаканы, каждому свой. Я не спросил ее, что она нам принесла, просто выпил. Это была зеленая жижка, которая пахла разными травами. Запахи смешались так сильно, что ни одну нотку не получилось уловить. На вкус было еще хуже, слишком противная, совсем густая, будто я не пью, а ем эту смесь. Она просилась выйти обратно, наружу. Пришлось сдерживать рвотный порыв.

— Теперь прошу вас немного подождать, как только лекарство подействует, я подойду снова.

Она забрала наши стаканы, поклонилась и быстро ушла.

— Как она поймет, что это подействовало? — Ксанафия сидела на койке, болтала ногами на весу.

— Кажется, вы просто должны уснуть. Не переживайте, Ваше Высочество, вы же этого и хотели. Поспать. Я не прав?

Он видел мое сомнение, но не подыгрывал, просто играл свою роль недодракона, который все знает, но никогда ничего не расскажет. Я любил и ненавидел его за это одновременно. Прошло совсем немного времени, как в глазах стало постепенно темнеть, показалось, что тело просто засыпает. Однако, я видел, сквозь эту пелену, как Ворон что-то говорит, но слова не понимал. Уже через секунду, я ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Сознание и тело решило

немного отдохнуть.

Очнулся я все от той же боли в ноге. В лазарете, все еще было светло, но больше от свечей, которые горели повсюду. Пахло травами и осенью, такой холодной и сырой. Рядом сидел Ворон, который смотрел на меня с волнением, в своих кроваво-красных глазах.

— Ну говори, — я едва мог что-то сказать, потом кончился воздух и приходилось делать очередной вдох. — Что случилось?

— Прошу тебя, успокойся, Бейро. Ты на койке, тебя осмотрели, промыли рану, нанесли мази. Сказали, что совсем скоро все затянется. Твоя подружка все еще спит, ты очнулся быстрее. И ты проспал уже много времени, почти ночь.

Он отодвинулся, давая мне разглядеть эльфийку напротив. Теперь ее волосы свисали с подушки, глаза были закрыты, а дыхание мирным. Она спала, как спал я пару секунд назад. Понятно, почему Ворон решил, что можно сменить обращение, ведь теперь чужих тут как бы и не было. Лежать на спине не хотелось, еще успею отлежаться. Я стал постепенно садиться. Тело послушалось не сразу, сначала у меня не получалось, а потом, Ворон придерживал меня, как ребенка, который учится сидеть. Я был ему благодарен, он видел меня и не в таких ситуациях.

Наверное, этот недодракон, был единственным, кому я мог довериться.

Я вспомнил, как мы встретились.

В тот день стояло летнее солнце, я был у лесных и уже возвращался обратно. В крови, в грязи и с новыми ранами, которые я умудрился получить от медведя. Я слишком устал, ехать пришлось обратно верхом, но я не успел даже сесть на лошадь, как Ворон перехватил меня и кинул на землю. В теле стояла такая жгучая и резкая боль, что от каждого движения, она усиливалась. Он тогда сказал мне, что меня будет очень просто убить, сравнил с раненым зверем. Мы сразились. Поначалу, все шло хорошо, я парировал его удары, надеялся, что мне повезет и он быстро выдохнется, но этот недодракон был не таким уж и простым. Как я узнал позже, Ворон был наемником с огромным стажем, может в тысячу, а может и больше лет. Для них это пустяки, как и для меня, но вот он, передо мной, прошел много сражений, но не может победить раненного зверя.

Мы бились вечно, и признаться, что я сам уже выдыхался. Раны болели, тело ныло от усталости, в глазах иногда темнело. Наши силы были равны и биться друг с другом не было смысла. За все время боя, никто из нас не одержал победу. Мы поняли это не сразу, пришлось отбросить клинки друг друга, прежде чем Ворон встал передо мной на колени. Так он стал мне верен, признавая, что друзей стоит искать равных себе, пусть и раненных зверей. В тот день, мы приехали в замок вместе, как он был удивлен, когда узнал мой статус, и был рад, что его не казнят. Я сам не понял, почему отец так поступил. Может вспомнил мою мать? Ему стало жаль меня, и он оставил чужую жизнь в покое? Мы прожили так несколько лет, его все полюбили, он стал своим, свыкся с законом и правилами, носил темное, даже когда я был против. Ворон очень долго просил устроить с ним обет, считал, что так послужит лучшему, что он видел в своей жизни.

Возносил ли он меня?

Думаю, что делает это и по сей день.

— Тебе лучше? Так долго молчишь, — как только он понял, что я сам держу спину, сел обратно.

— Я еще не знаю, — вдох, — кажется, что да. Что мне делали?

Грудная клетка болит больше всего, даже больше ноги. О моих рунах знают все, но я все равно стараюсь держать их под одеждой, будто они могут пропасть и в один из дней я их не увижу. Благодарен, что эльфийка, которая лечила меня, оставила одежду так, как она и была. А может, и не трогала ее вовсе.

— Много чего, в основном с ногой, потом вводили вещества и, как видишь, ты, вроде, снова целый.

— Почему снова?

— О, прости-прости, каждый твой поход к лесным и твои договоры с Сиаль — меня убивают.

— Тебе это не должно волновать, — это прозвучало грубо, но правдиво.

— Я хочу, чтобы это меня касалось, ты же знаешь, я уже несколько столетий пытаюсь уговорить тебя на обет, а ты все отказываешься. Как упрямый маленький ребенок. Наверное, ты таким и остался.

Он изобразил меня, с змеей на руках, качающей головой и недовольным видом. Таким образом он не только передал мой вид, но и отдал змею, которая сразу нашла себе место. Он был старше меня, кажется, намного. Но при этом, все равно преклонял колени и верил, что я именно тот, кто ему нужен, даже если в будущем, он найдет ту, которую полюбит. Может, он просто не смотрел на девушек?

— Я был в городе, знаешь, сколько всего там красивого?

Ворон, за несколько недель до появления Ксанафии, уехал в город светлых, где пытался что-то купить, узнать и найти. Он часто ищет себя, пытается научиться летать, найти тех, кто его научит. Сам он, недодракон, который застрял в этом виде и не может обратиться в большую ящерицу, которая будет плевать тьмой и смертью, вместо огня. Он ждет свой момент для полета, ждет, но так и не дождетя.

— Ты имеешь в виду эльфиек? — я усмехнулся, вспоминая свой цветочек.

— Нет, представляешь, там ни одного дракона. Никто о таких не знает. Меня пугались и сторонились, даже когда я показывал знак темных, твой знак принца, они только угрожали и слали меня подальше.

Он продолжал рассказывать, я слушал в полуха, поглаживал змею и наслаждался моментами передышки. Обычно, в лазарете я лежу намного дольше, чем сейчас. Просто повезло, что в этот раз все прошло быстрее. Ворон рассказывал, как в городе красиво, как все светлые стараются носить белые наряды, как каждый из них хочет вознестись и постичь тайны магии, хотя каждый ее и так имеет, в отличие от нас, темных. Он говорил, как там всегда светит солнце, что они, светлые, которые живут за горами, почти и не знают темноты. Это касается не столько свечей и огня, сколько самого солнца, что светит им почти всегда.

— А ты помнишь, про пророчество? — Ворон прерывает свой рассказ.

— Ты проверяешь, как хорошо я тебя слушаю? В одно ухо.

— Это я знаю, но ты же помнишь?

И вспоминаю. У нас есть множество пророчеств, которые светлые успели сделать перед тем, как темные добились свободы. Это не должно было идти в историю, но ее пишут те, кто победили. В тот момент мой народ был победителем, а значит, мы сами писали историю, а кто-то из наших записал эти слова, которые хранятся в библиотеке, передаются словами поколениям.

— Какое из них ты хочешь мне напомнить?

— Не уверен, а какое может быть ближе к нашему времени? — Ворон задумался, но слева от него послышался шорох. — Ох, вы тоже проснулись!

Ксанафия постепенно садилась на койку, держась за голову. Видимо, у нее она болит также, как у меня болела грудь. Ворон поспешил ей объяснить ситуацию. Я замечал, как на ее лице меняются эмоции, но в конце, она только кивнула и слабо улыбнулась. Может, этот сон и ей пошел на пользу? Теперь мы оба выспались, еще и получили помощь, раны затянутся и мы сможем создать новые.

— Кстати, я совсем забыл, что вам приносили ужин, но вы так долго спали, что от него ничего не осталось.

Ворон указал на пустые подносы, которые стояли на небольшом столике. Так странно, я его тут даже не видел. Может, принесли, когда мы спали?

— Поесть можно в столовой, я так понимаю, что ты захочешь еще?

— Вы так хорошо меня знаете, Ваше Высочество!

Ворон улыбнулся, едва показывая свои клыки. Совместным решением наших животов, мы решили, что будет здорово, если перекусим. Мы подождали еще немного, пока тело не начнет слушаться полностью, и пока не подошла эльфийка, проговаривая как важно следить за ранами, чтобы нам стало лучше. Это я тоже пропустил мимо себя.

Уже покинув лазарет, мы направились на второй этаж, где я успел перехватить слугу, и попросил принести нам несколько блюд, чтобы можно было поесть. Хорошо, что сам отец предпочитает ужинать в другой, более мелкой столовой, среди своих. Мы шли молча, все молчали, но я чувствовал эту напряженную ниточку между Ксанафией и Вороном. Может, просто понравились друг другу? Сметая подобные мысли в сторону, мы вошли в большую столовую, также красиво обставленную. В комнате было несколько окон, пусть и не таких больших, как в главном кабинете короля, но тоже достаточно широких. Также позади была дверь, которая вела в очередной коридор, а оттуда в разные комнаты. Еще ребенком, я думал, что замок — это один большой лабиринт.

— Что ж, сегодня тут пусто, можно выбрать разные места, — я отпустил стражу, которая тут же покинула столовую.

— У вас нет порядка посадки?

— Есть, но ее придерживаются в формальной обстановке, а сейчас это больше...

— Дружеская атмосфера? — Ворон закончил за меня.

Он первым выбрал себе место, справа от стула, за который я хотел сесть. Это был прямоугольный стол, где слева и справа стоит только по одному красивому, отдельно выделяющемуся стулу, для короля и его наследника трона. Ксанафия села напротив Ворона, а я еще даже не успел сделать шаг, как открылись двери и слуги внесли блюда, такие красивые и еще горячие. Они постарались на славу, пусть и времени у них было мало. Многие поклонились и покинули комнату.

— Это пахнет просто изумительно! — перед Вороном стояло блюдо из птицы, которое он стал накладывать к себе на тарелку.

Вскоре, я присоединился к ним. Блюд было не так много, но все они выглядели так, будто их приготовили только что. Может, отец просил порцию побольше?

— А где ваш брат?

— Думаю, он разделяет ужин с королем.

И я вспоминаю, как сказал ему, еще на веранде, что расскажу по возможности о своем задании. Вот только сам его не навестил и пока еще даже не собирался. Мэлуи, скорее всего, даже не знает о моем состоянии, но если поинтересуется, то отец только отмахнется и скажет не забивать свою голову такой ерундой.

То есть, мной.

Нога все еще ноет, а вот грудную клетку перестало сдавливать, раны затянутся, нужно дать немного времени. Еда за ужином была вкусная, Ворон постоянно что-то болтал, эльфийка слушала, иногда улыбалась и сглаживала их углы напряжения, которые вскоре вообще пропали. Свечи освещали комнату, я начинал чувствовать себя третьим лишним. Даже не заметил, как слуги постепенно убрали посуду, а все мы, втроем, оставались на местах. Сытые и отдохнувшие, мы получали удовольствие от вечера, каждый по-своему. Ворон умел вести беседы, и я не всегда понимал, когда он искренне заинтересован в своем собеседнике, а когда нет.

— Вы хотели обучиться, возможно, сейчас лучшее время начать? — я еще помнил ее упрямство в коридоре.

— Сейчас?

— Вам страшно или вы переели?

Она молчала, но я уже успел встать из-за стола. Ей пришлось подняться следом за Вороном, который уже поравнялся со мной и открыл дверь. В коридорах стояла темнота, свечи освещали путь, чуть дальше, должна быть охрана, включая и тех, кого я отпустил. Ворон достал один подсвечник, чтобы было светлее идти на тренировочную площадку.

— Ты же поставишь ее обратно?

— Конечно, Ваше Высочество, — драконорожденный только улыбнулся и убедившись, что эльфийка с нами, пошел вперед.

— Наверное, мне будет неудобно, — Ксанафия указала на платье, которое было ей до пола.

— Хотите потратить время на то, чтобы переодеться?

Она покраснела, я это видел, даже в свете свечей. О чем она успела подумать? Вскоре она ответила мне отказом, а дальше мы шли по темным холодным коридорам. Ближе всего, была тренировочная площадка, где я только недавно победил в тренировочном бое против своего учителя, Тингола. В этот раз тут было тихо и темно. Только заходящее солнце, которое еще успевало коснуться замка, перед тем как столкнуться с каменной стеной. Вскоре, поднимется луна, станет немного ярче, благодаря ее бледному свету. Ворон уже выбрал для себя удобное место под деревом, там он полностью сливался с темнотой. Он потушил свечку и сел на траву, скоро она начнет менять цвет, если вообще не пропадет с места.

— Сначала немного основ, а потом с помощью тех палок, — я указал на деревянные мечи, рядом стояли и тупой металл.

Ксанафия не ответила, она только подтянула свои рукава и встала напротив меня. Сначала, я на себе показал несколько защитных приемов, объяснил, что ей будет лучше, если удары придут на руки, а не по лицу. Мне казалось, что слушает она внимательно, поэтому решил, что будет лучше начать с обороны. Сильно бить я не собирался, сначала, она действительно закрывала лицо, но позже, переставала следить за моими руками, и куда я сам хочу нанести удар. Я тренировал ее долго, показывал новые возможности ударов, которые она не сразу, но реализовывала. Наверное, несколько месяцев и она станет хорошим бойцом, а если дольше, то станет хорошим бойцом. Только зачем ей все это? Я старался не забивать свою голову этой мыслью. Только верил, что она не знает, кто убийца ее родителей. Она маленькая, наивная эльфийка, вот и все.

Солнце уже ушло за стену, луна поднялась выше и свет теперь был только белый, лишь из некоторых окон можно было заметить желтый свет свечей. Как и не все эльфы, некоторая живность не уснула и теперь активно шумела, либо где-то за стеной, либо уже совсем рядом с нами. Если бы Ворон не забрал у меня змею, то я бы перестал замечать его сидящим под деревом. Иногда, его красные глаза тоже можно было различить. Он наблюдал, проверял и следил, будто что-то могло пойти не так.

— Хорошо, теперь с этим, — я достал тупой меч и протянул ей.

— Я не уверена, что смогу... Мое зрение не такое, как у вас.

Даже с неуверенностью в собственном голосе, она взяла металл в руку. Я видел, как сначала она положила его верно, правую руку у основания, а левую почти в самом конце. Потом Ксанафия положила левую на свою правую. Просто пробует оружие? Перенервничала? Я вновь показал ей, как правильно нужно держать оружие, повторив, она встала в стойку.

Мы сошлись в небольшой схватке, где она в основном защищалась, парировала почти каждый мой удар. Потом мы поменялись, теперь она была в защите, и несмотря на то, что я не пропустил ни одного удара, стала применять что-то свое. Вставая слишком близко, мне казалось, будто она пытается взглядом найти что-то, увидеть, куда можно ударить, чтобы причинить вред. И честно, я даже не заметил, как она стала драться на своих условиях, как бы случайно задевая меня своими ногами по ране. Пусть делала это не часто, но если бы я парировал ее ногу своей или мечом, то оставил бы рану похлеще собственной. Она гостья, теперь под моей опекой, должен ли я ранить ее?

— Ваше Высочество! — на тренировочную площадку забежал слуга, поклонился и не поднимая головы продолжил: — Его Величество, попросило передать, что на деревню Рэн напали, а вы

должны решить этот вопрос.

— Они не стали звонить в колокол? — Ворон встал со своего места и уже стоял рядом со мной.

Я видел, как стоит Ксанафия, смотрит на слугу, но все еще держит свою стойку и оружие в руках. Эльфийка из светлого народа, которая говорила, что драться не умеет, просила научить, но за один раз успела познать все азы.

— Я улажу, передай ему это, — я убрал меч обратно на стойку, Ксанафия повторила за мной. — Вы тоже пойдете, покажете что умеете, теперь уже на реальном оружии. Ворон, отдай ей клинок.

Он послушался, но протянул ей тот, который был у меня в тот раз, в лесу. Он успел забрать его у меня, почистить и привести в порядок. Ворон всегда служил мне, постоянно. Каждое его действие было в мою пользу и теперь, мой клинок с гравировкой, был у меня в руках. То, что по праву принадлежит мне.

Я пошел к конюшням, чтобы доехать до деревни быстрее. Они шли за мной, и я слышал, как Ворон спросил что-то, но она ему не ответила. Эльфийка, которая хорошо показала себя в защите и атаке против меня, сможет ли убить тех, кто пытался напасть на деревню? Возможно, я зря беру ее с собой?

Конюшня была уже близко и я слышал ржание лошадей. Там уже было несколько рабочих, слуг, которые седлали лошадей. Я видел своего коня. Такого же вороного, которого мне дали в деревне. Только этот был моим, его короткая шерсть переливалась при свете луны, а он сам, заметив меня, стал поднимать свою голову, махать хвостом и топтаться на месте. Другие лошади тоже были подготовлены, удивительно, как слуги успели так быстро среагировать. Может, отец снова увидел будущее, с помощью светлых? Я прислонился своим лбом ко лбу моего коня, он немного успокоился, а я, обошел со стороны, чтобы оседлать его.

— Я хочу чтобы ты знал, — Ворон держал меня за руку, он стоял близко ко мне и говорил тихо, так чтобы я слышал. — Мне не нравится эта девушка...

Я могу доверить свою жизнь ему и знаю, что он не предаст, поэтому прислушиваюсь к словам, которые он говорит. Только в этих словах ничего не понимаю.

— Оставь Бел тут, не хочу чтобы она пострадала.

— Может быть, ты и моих страданий не хочешь? Я про..

— Я знаю, обет, да?

Ворон замолчал, как только поймал мой взгляд. Он поклонился и отошел к своему коню, у которого уже стоял слуга, а чуть позже на его руке уже была моя змея. Отсюда было видно, как этот мужчина боится и старается не двигаться. На другой стороне, я видел Ксанафию, она уже была в седле и смотрела в мою сторону. Я тоже сел на коня, и мы двинулись из дворца, Ворон догнал нас и мы ускорились, уходя все глубже в деревню. Тут было тихо, многие эльфы уже убежали или были мертвы, возможно, кто-то заперся в собственном доме. Следов насилия было много, местами уже виднелись побитые ящики или столы с чужим товаром. Где-то даже лежали эльфы...

Мертвые.

Мне не нужно было спускаться, чтобы понять это.

— Кто на это способен? — Ксанафия старалась не смотреть на трупы, только ехать вперед.

— Много кто, — Ворон держался позади меня.

Мы выехали на главную площадь. Фонтан еще работал, его прозрачная вода стала окрашиваться в красный цвет. Кажется, стража, которая должна была быть тут, теперь тоже лежит где-то за домами или на открытых улицах. Некоторые дома, помимо их основной краски, теперь окрашивались в красные, кровавые полосы. У фонтана стояла эльфийка, она была из лесного народа, но не могла же сделать весь этот ужас в одиночку?

— А ты долго. Всегда заставляешь девушку ждать?

Ее голос прорезал тишину. Она стояла спокойно, смотрела на каждого из нас, руки за спиной и прямая осанка. Только ее я не знал. Вокруг больше никого не было, да и по пути ни одной живой души.

— Представьтесь, я вас не знаю, да и вы не можете говорить со мной в таком тоне, — я спешил, остальные повторили за мной.

— Ну брось, Бейро, ты знаешь меня, — она улыбнулась и пошла мне навстречу.

Но я ее не знал. Ворон и Ксанафия остались позади, а мы с ней встретились почти у фонтана, вода дарила прохладу и освежала мысли, но вспомнить ее, мне ничего не помогало. Мы встали друг против друга, на секунду показалось, будто под светом луны, у нее нет зрачков, глаза отдают зеленым цветом. Это Сиаль, других таких, как она, я не знал.

— Сиаль. Я не понимаю. Ты пришла и перебила моих эльфов? Зачем? — я обвел руками эту площадь, здесь были мертвые тела, кровь на земле.

— У меня только одна цель, — она улыбнулась, убрала руки со спины, открывая вид на острый клинок в ее руках. — Смерть за смерть.

Я не успел отреагировать, она кинулась на меня. Вернее, даже не она, а кто-то. Сиаль прекрасно владела иллюзиями. Хорошо умеет контролировать своих животных, но эльфов? Первый удар прошел мимо, я смог перехватить ее руку, но она тут же забрала ее обратно. Я слышал, как Ворон выкрикнул мое имя, но повернуться еще не мог. Сиаль проговорила что-то на своем языке и среди домов стали показываться чужие, звериные и голодные глаза. Это было то самое животное, которое я убивал в том лесу. Они всех перебили? Все никак не укладывается. Лошади заржали и, кажется, стали отходить подальше. Лишь их бы не трогали. Я только успел проследить за ее зверьми, как Сиаль воспользовалась моментом и вновь напала.

— Ты можешь просто рассказать! Зачем все это? — я уворачивался, животные меня игнорировали, пробегали мимо.

— С тобой невозможно разговаривать! Ты пахнешь смертью! — она вновь замахнулась, — Это ты убил Ирима!

Она снова кинулась на меня. Ее слова подействовали, я отреагировал поздно и клинок порезал мне рукав, из которого уже потекла кровь.

— Прекрати! Я не буду драться, ты стала безумной! — мы кружили в танце, и теперь я стоял

так, что видел Ворона и Ксанафию. — Мы с ней дружили, зачем мне ее убивать?

— Это был ты, твой запах говорит об этом!

Я заметил, как за спиной Ксанафия уже убила одного зверя. Это убийство далось ей легко, она не дрожала и не плакала, как в тот раз, и все так же, уверенно стояла. Я видел, как она была занята своим новым врагом, но к ней подбегал еще один, прямо в спину. Сиаль сделала ошибку, встала слишком близко, теперь клинка в руке не было, он был в моей.

— Ворон! Прикрой ее! — я перевел взгляд на мою подругу. — Останови их, заключим договор.

На ее лице появилась улыбка, значит получилось заинтересовать.

— Ты воскресишь ее.

Времени думать не было, я согласился.

— Прикажи им уйти! Сиаль! — я взял ее за руку, дергая на себя и подставляя клинок к ее горлу.

Она подняла руки в воздух, признавая свое отступление. Еще одно слово на своем языке, и звери стали возвращаться к хозяйке. Я отошел, все еще держа клинок в руке. Позади нее, Ворон держал зверя за его пасть, не позволяя себя укусить. Кажется, он был в порядке, также как и Ксанафия.

— Пусть отпустит его, — Сиаль все еще смотрела на меня, но и одновременно, смотрела глазами своих зверей.

— Все нормально, отпусти его! — и он отпустил, зверь вернулся к нам, как и Ворон с Ксанафией ко мне. — Объясни мне, что случилось?

И она рассказала. Присела на корточки, поглаживая животное, которое только что было в чужих руках, на нем был шрам вдоль правого бока, там не было шерсти. Сиаль поведала, что Ириме умерла почти сразу, после того, как я ушел с ее территории, поэтому она считает меня виноватым, к тому же, ее звери чувствуют мой запах, а она их понимает.

Импульсивное решение, устранить деревню и заставить меня встретиться лицом к лицу, чтобы предъявить обвинения. Это равносильно, как если бы, она сказала о войне. Я видел, как Ксанафия переживала, вытирала свои руки о грязное платье. И в конце, Сиаль сказала то, что я не ожидал услышать.

— Она тоже виновата, они чувствуют и ее запах.

— Обвини кого-то одного, ты стала прыгать с одного на другое, — я встретился с ней взглядом.

— Вы оба виноваты, а теперь ты, принц, исправишь эту проблему.

Я приходил к Ириме, чтобы просто передать задание, а не для того, чтобы ее убить. Теперь, когда винят не меня одного, мне совсем неприятно. Я и так отвечаю за голову Ксанафии, так теперь мне приходится еще и исправлять чужие ошибки. Она же не могла убить ее? Не могу верить, не хочу принимать.

— Ксанафия, вы убивали ту эльфийку? — я обратился к ней, она стояла, нервничала и вытирала руки о платье.

— Нет, я никого не убивала, не выдвигайте обвинения без доказательств.

И я перевел взгляд на Ворона, который все это время внимательно нас слушал. Он умеет различать ложь, умеет прятаться в тенях, использовать магию. Я не видел ничего, чего он бы не умел. Ворон встретился со мной взглядом и отрицательно, едва заметно, помотал головой.

Он не согласен с ее словами. Ворон отрицает ее отказ. Считает ли ее виновной?

— Не обязательно причинять моим детям насилие. Многие лесные эльфы созданы искусственно, Ирима была одной из них. Хватает только одного неверного касания к ее сердцу, как она начинает умирать, — Сиаль говорила это спокойно, как факт, а потом обратилась ко мне. — Ты воскресишь ее, но помимо воскрешения, должен отвязать от себя. Она все еще моя девочка...

Голос Сиаль дрогнул и она замолчала. Кто бы что не говорил, но я видел ее любовь и заботу о их небольшой компании лесного народа. Эта водница, взяла на себя ответственность за множество душ и сама помогла им создавать новых. Я ей восхищаюсь.

— Звери уйдут, они не должны тут оставаться.

— Они останутся, в случае, если временный договор не будет выполнен, то просто продолжат свою работу.

Не уступает. Переживает за своих, думает, что я могу еще убить кого-то? Ворон встал рядом со мной, закрывая вид на Сиаль. Он был чуть выше меня, а его красные глаза смотрели так, будто он был готов снять с меня кожу живьем. На что он так взъелся?

— Все будет нормально, я прослежу, — я был готов уйти, но Ворон взял меня за запястье. — Обещай что мы сделаем обет.

— Я ненавижу обещания.

— Потому что сам не можешь их сдержать! Обещай!

И мне пришлось сказать это слово. Я дал обещание, которое теперь придется выполнить. Дал, потому что испугался взгляда? Потому что не смогу противостоять ему или наоборот, смогу обрести верного союзника? Сиаль настояла, чтобы Ксанафия тоже направилась в их небольшое общество. Она, кажется, немного успокоилась, но все еще переживала, смотрела в мою сторону, пыталась найти поддержку. Все еще не могу поверить, что нас обвиняют в убийстве.

Убийстве моей подруги.

Я свистнул, призывая к себе лошадей. Вместе с моим вороным конем, прибежала и ее серая кобыла, а еще конь Ворона. Эти лошади хорошо обучены. Они нервничали в присутствии животных, топтались на месте и дергали хвостами. Все пройдет хорошо, я оживлю свою мертвую подругу, а потом узнаю правду о смерти.